

УДК 81'374.2

DOI: 10.15393/j14.art.2017.98

Михайлова Любовь Петровна

Петрозаводский государственный университет,
 Институт филологии,
 доцент кафедры русского языка,
 кандидат филологических наук,
 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

НЕЗАКОНОМЕРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ БЕЛОМОРЬЯ¹

Аннотация. В статье представлены функционирующие в беломорских говорах лексические варианты, отличающиеся от исходных слов отдельными фонетическими признаками, которые возникли в результате воздействия языков неродственной структурной организации. Автор ограничивается примерами лишь некоторых изменений фонемного состава слова: в области гласных — переходом [о] в [á], сопровождающимся изменением акцента, в области согласных — меной глухих-звонких звуков, в позиции начала слова — упрощением консонантных сочетаний. Приводятся краткие сведения по истории изучения лексики беломорских говоров.

Ключевые слова: диалектология; лексические варианты; фонетические процессы; этноязыковые контакты; северорусские говоры; этимология.

Беломорские говоры, составляющие часть Поморской группы северорусского наречия (по диалектному членению 1914 г.), охватывают северные районы у побережья Белого моря, включая Терский Берег Мурманской области, Карельское Поморье, северо-запад Архангельской области. Обос浓厚ные лингвистические явления, характеризующие Поморскую группу в сравнении с другими группами северного наречия, касаются прежде всего фонетического и морфологического уровней [37: 26].

Проводилось исследование беломорской лексики в историческом аспекте. И. А. Елизаровский, изучавший лексику беломорских актов XVI—XVII вв., характеризовал ее как многослойную в хронологическом отношении и подчеркивал немаловажный факт: «Общерусская лексика попала в Беломорье через посредство Новгородской Руси. Передатчиком новгородской народной лексики в Беломорье были переселенцы из Новгородчины, приходившие на Север в течение XII—XVI вв.» [26: 172]. Помимо классификации по тематическим группам и исторической интерпретации лексики исторических документов, исследователь приводит обширный список

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017 год.

лексем, употребляемых в живой речи жителей Беломорья, зафиксированных в течение 45 лет, начиная примерно с 1911 г., — всего 1008 единиц [26: 175—232]. Как в лексике исследованных памятников письменности, так и в архаических беломорских говорах отмечается несколько слоев: «1) слой наследственной лексики от родственных языков древнейшего времени; 2) слой народно-русской лексики; 3) слой заимствованной лексики из соседних языков» В группу заимствованных автор включает слова из «карельского, вепсов, коми, ненецкого, напр., *ворга*, *виска*, *инка*, *морда*; *шар*, *салма*, *малица*, *пимы*, *липты*, *малтать*, *чум* и пр.» [26: 234—235].

Среди исследователей лексики говоров Архангельской области, помимо И. А. Елизаровского, отметим таких ученых, как Н. С. Бондарчук [21], В. Я. Дерягин [25], Л. П. Комягина [25, 29], Е. А. Нефедова [34], Н. Г. Ильинская [27], И. Б. Качинская [28], А. В. Павлова [35]. Весьма существенный вклад в решение вопроса о своеобразии лексического состава территории Русского Севера внесли лексикографы А. О. Подвысоцкий [12], А. Н. Грандилевский [4], И. М. Дуров [5, 6], А. А. Жилинский [7], И. С. Меркурев [9], К. П. Гемп [3], А. С. Герд [15], О. Г. Гецова [2], Н. Д. Кушков [8], С. А. Мызников [10] и др. Интерес представляет и выявление лексических различий внутри Поморской группы говоров, в связи с чем актуальным является внимание к особенностям беломорской лексики.

Настоящая статья посвящена русской лексике говоров Беломорья, которая может быть отнесена к разряду экстенциальных единиц — слов, отражающих фонетические процессы незакономерного характера, причина которых кроется в иноструктурном языковом воздействии.

Описание и интерпретация явлений, влияющих на внешний облик русского слова и приводящих к возникновению варианта исходного слова (*кóбра* > *кóвра* ‘кисть руки’) или к формальному отдалению новой лексической единицы вплоть до полного разрыва связей с первичной единицей (*глúдко* > *лúдко* ‘скользко, гладко’), продолжает оставаться актуальным. К настоящему времени накоплен значительный по объему материал, отражающий изменения фонемного состава слова, которые не могут быть объяснены внутренними процессами развития русского языка [33].

Модификации русского слова под влиянием прибалтийско-финских языков в беломорских, как и в других говорах Русского Севера и Северо-Запада, обусловлена несогласованностью системных признаков контактирующих языков, выражющейся, в частности, в характере начального слога в слове, в составе гласных и согласных звуков, в строении словоформы и т.п. Представим некоторые процессы, способствовавшие возникновению новых, в сравнении с более широко распространенными, лексических единиц.

В области гласных известен переход безударного [о] в ударный [а], как правило, в позиции первого слога.

В русских говорах функционирует значительное количество слов, в которых произносится ударный гласный [á] в соответствии с обычным для говора [o] с параллельным переносом ударения на начальный или предшествующий слог [32].

Изменение [o] в [á] в беломорских говорах представлено, например, такими соотносительными парами, в которых первый элемент является вариантом ко второму — исходному слову: *дágада* ‘догадка, понимание’ Онеж. Арх. [2, вып. 10: 230] и *догáда* Пин. Арх. [2, вып. 11: 234]; *páдволока* ‘пространство между потолком и крышей’ Беломор. [16, вып. 25: 126] и *подволóка* Белом., Кем., Лоух., Пуд. Карел., Тер., Канд. Мурман., Онеж. Арх., Баб., Волог., Кад., Вашк., Чер., Уст. Волог., Сол., Чуд. Новг., Кириш. Ленингр. [15, вып. 4: 617].

Данное изменение объясняется влиянием акцентологической системы прибалтийско-финских языков, с которыми контактируют русские говоры: при усвоении русских слов финноязычны-

миaborигенами гласный [o] первого слога, становясь ударным, удлинялся и переходил в [ā], ср. ранние заимствования: лив. *vabad* < свободá, фин., карел. *tappara*, водск. *tappora*, эст. *taper* < русск. *tonóp*. Начало славянско-финских контактов относят к VIII веку, «непосредственно после распада общеславянского единства в связи с продвижением северо-восточной части славянства на территории, занятые финно-уграми» [22: 27].

В области согласных мена звонких согласных на глухие и наоборот зафиксирована в начале XVII века английским путешественником Ричардом Джемсом [30]. В частности, отмечается мена звуков [c] и [z]: **озлоб**: «*ozlobe* — озлоб (~ ослоп)» Холмог. Арх. (30: 87), ср.: «*Oslon* — толстая дубина, боевая палица. Засвидетельствовано с конца XV в.» (30: 217); **ослоп** ‘большая палка, дубина, палица’ Южн., Курск., Орл., Нижегор., Дон., Твер., Север., Вост., Забайкал. [16, вып. 21: 25]; **зыч** ‘сыч’: «*zich* — название совы — зыч (~ сыч)» Холмог. Арх. [30: 186], ср. *сыч*; **зухарь** ‘сухарь’: «*zuixhárii, rusc* — сухарь — зухáри (~ зухáрь)» [30: 88], «Зухари, как и озлоб вм. сухари, ослоп — характерные особенности речи обруseвших ненцев, лопарей, составляющих часть населения холмогорского края» [30: 218], ср. *сухарь*; **приусá**: «*priousa, kichige, molotil* — цеп — *приусá*, кичíги, молотýл<о>» [30: 133]. «Такая триада синонимов для обозначения цепа — свидетельство сложно-скрещенного характера Холмогорского говора. Северным и специально архангельским можно считать слово *кичига*» [30: 234], ср. *приúза* ‘молотильный цеп’ Холмог. Арх, Арх., Новг., Петерб. [16, вып. 32: 41].

Незакономерная мена глухих и звонких согласных была яркой особенностью беломорских говоров в середине XX в., что подтверждается огромным материалом, собранным И. А. Елизаровским в селах Большие Озерки и Малые Озерки, находящихся в 120 км от Архангельска, «на старом карельском пути к берегу Белого моря» [26: 129]. Влиянием особенностей консонантизма карельского языка в северной части Карелии в начале XX века исследователь объясняет наличие в говоре этих сел таких слов, в которых наблюдается незакономерно возникший глухой согласный в соответствии со звонким: *самуши, папушка, столпик, трушок, матинька, солтат, усатьпа, колопушка, лошатушка, лотоцка, селетоцка*, ср.: замуж, бабушка, столбик, дружок, дяденька, солдат, усадьба, голубушка, лошадушка, лодочка, селедочка [26: 129]. Данная особенность известна не только беломорским говорам, но и другим северным и северо-западным русским говорам. Отмечая мену звонких — глухих в северорусских диалектах, Б. А. Ларин, изучавший старохолмогорский говор в записях Р. Джемса, писал: «Объяснение этому надо искать в субстрате, так как языки угро-финской группы знают и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные — глухие слабые — звонкие), а в некоторых диалектах — утрату звонких, в других — озвончение глухих (например, в севернокарельских говорах озвончение *k* — *t* — *p* кратких в сильной позиции)» [30: 47]. Данные по другим говорам, в частности по псковским [24], свидетельствуют о мене глухих и звонких согласных в зонах активных контактов русского и прибалтийско-финского населения.

Изменение анлаута. Структура начала слова в соседних финно-угорских языках характеризуется отсутствием сочетаний согласных и некоторых одиночных согласных звуков в анлауте [31: 119]. В лексике беломорских говоров в анлауте слова ярко отражено упрощение сочетания согласных.

гл- > л-: *лей*, *ляй* и др. Кемским говорам известны частицы *лей* и *лей-ко*, которые в Словаре русских говоров Карелии [15] представлены как экстенциальные варианты, в которых отражено преобразование сочетания согласных в позиции анлаута в один звук, а именно *гл- > л-*. Вариант имеет более широкую географию, отражающуюся в пометах: *лей* Медв., Кем., Пуд., Прион., Кондоп.; ср. также другие единицы, функционирующие в говорах Карелии: *лей-кось* Медв., *ле-ка* Медв., *ляй* Прион., *ля* Медв., *ляй* Кондоп., Прион. [15, вып. 3: 108]. Исходными

для них являются слова, которые в пределах региональной лексической системы функционируют также в качестве вариантов: *глей* Пуд., *глей-ка* Пуд. Карел., *гле* Прион. Карел., *гле-ко* Онеж. Арх., *глай* Кем. Карел., *глай-ка* Медв. Карел. [15, вып. 1: 344].

Указанный процесс отражен в лексеме с корнем *луд-* < *глуд-*: *лúдко* ‘скользко’ Кем. Карел. [16, вып. 17: 180]. В словах *лúда* ‘ослепительная белизна снега при солнечном свете’ Кем., Онеж., Арх., *лудá* ‘ослепительный блеск, белизна’ Арх. [16, вып. 17: 177] актуализируется семантический признак ‘блеск’, имплицитированный в значении ‘скользкий, гладкий’, ср. *глúдко* ‘скользко, гладко’ Арх., Олон., Ленингр., *глúдкий* ‘скользкий, гладкий’ Олон., Арх., *глудь* ‘гололедица’ Олон. [16, вып. 6: 207], *глудéть* ‘лосниться’ Гд., *глудь* ‘что-н. гладкое, лоснящееся’ Гд. Пск. [13, вып. 6: 187]. Праслав. **gludъkъjъ* является родственным литовскому *glaudūs* ‘гладко прилегающий’, *gludūs* ‘гладкий’ [19, вып. 6: 145], ср. также *глúда* ‘выглаженная волнами поверхность камня’ Арх. и латыш. *glūdus* ‘гладыши’, *gluda* ‘глина’ [16, вып. 6: 207].

В этимологическом аспекте интерес представляет слово *лíва* ‘морская водоросль’ Канд. Мурман., Кем. Карел. [15, вып. 3: 122], ср. *глив* ‘тонкий слой растений, которыми покрывается вода в реках, водоемах’ Тер. Мурман., *глев* ‘то же’ Пуд. Карел., *глívить* ‘цвести (о водорослях)’, *глívный, глívистый* ‘покрытый водорослями’ Тер. Мурман. [15, вып. 1: 338], *глívеть* ‘покрываться слизью в воде’, *гливнóй* ‘покрытый слизью’ Варзуга Тер. Мурман. [9: 33], Ср. также: *лíва* ‘низкое место, затопляемое водой’ Карел., Пудож. Олон., Сев. Урал, Том., Нарым. [16, вып. 17: 41], *léva* ‘лужа’. Ср. Урал [16, вып. 16: 305].

Существуют разные гипотезы о происхождении слова *лива*: 1. *лива, лыва* ‘зыбкое, топкое место в болоте; лужа после дождя, густой лес на болотистой почве’ олонецк., арханг., кемск., вологодск., колымск., тоб., ‘принесенные течением водоросли’ костром., др.-русск. *лива* ‘болото’ (XV в.) М. Фасмер, вслед за Калимой, считает заимствованием из финского, карельского *liiva* ‘ил, тина’ [18, вып. 2: 539]; 2. финское *liiva* ‘кашеобразная масса, грязь; ил, тина; гной’, возможно, заимствовано из германского *slīva-* ‘морская водоросль’ или балтийского *glīve-* ‘зеленая слизь водной поверхности; ил, тина’, в русские говоры заимствовано из людиковского говора карельского языка [20, т. II: 294]; (перевод наш. — Л. М.); 3. *лýва* ‘низкое болотистое место’ в говорах и памятниках письменности Белозерья связывается с коми-зырянским *лыа* ‘песок’ [38: 31].

Есть все основания предполагать, что слово *лíва* является этимологически родственным не только с балтийским, но и со славянским, ср.: н.-луж. *gliwk* ‘смола или клей (на вишневых и слиновых деревьях)’, болг. *глива* ‘вид мелкого съедобного гриба’ и названия грибов в сербохорв., словен., чеш., слвц., др.-русск. *глива* ‘слизь, ил’ (XV в. ~ XIII в.); О. Н. Трубачев считает слав. **gliva* родственным литов. *gléivos* ‘слизь’, лтш. *glive* ‘зеленая слизь на воде’ [19, вып. 6: 130]. Ср. также данные русских говоров Карелии: *глив* ‘морской ил’ Тер., вариант *глеб* ‘плесень, слизь’ Пуд., Медв. Карел. [15, вып. 1: 338]. Следовательно, балто-славянское **gliv-* заимствовано в прибалтийско-финские языки в виде *liiva*. Ср. также *глев* Гд., Пск., *глевъ* Пуст., *глей*, *глéва* Локн., *глеб* и *глебъ* ‘чешуя у рыбы’ Гд. Пск. [13, вып. 6: 178—179], *гливъ* Новг., *глевъ* Мст. — ‘слизь на рыбьей чешуе’, *гливнóй* ‘скользкий, о рыбе’ Мст. Новг. [11: 163].

Х. Шустер-Шевц предложил этимологию верхнелужицкого слова *liwki* ‘тепловатый’, возводя его к и.-е. **glei̯-/gl̥i̯n-* (слав. **glévъ/glivъ*) [39: 87—88]. Неоднородность славянского материала с начальным **g-* в позиции перед сонантами, представленный И. П. Петлевой [36], дает основания рассматриваемое слово *лýва* включать в примеры, «свидетельствующие об утрате этимологически исконного *g* в начале слова перед *r, l, n (m?)*» [36: 53].

По вопросу об этимологии слова *лýва*, следует добавить, что сходство семантики слов с корнем *лив-* и *глив-* говорит об активных контактах балто-славянского с прибалтийско-финским

LINGuae ANALITIO / ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ

языком-основой. Результатом явилось заимствование слова *лива* в прибалтийско-финский язык, сопровождаемое упрощением группы согласных в начале слова в соответствии с законами заимствующего языка. Русские говоры Севера усвоили прибалтийско-финское слово, явившееся фонетическим преобразованием балто-славянского заимствования, однако сохранили и исконное слово (*глев*).

гр- > р-: *рұ́дный* ‘урожайный’ Белом., ср. *гру́дный* ‘богатый урожаем, урожайный’ Челяб., ‘многочисленный, имеющийся в большом количестве’ Беломор., Верхне-Тавд. Свердл., Колым. Якут. [16, вып. 7: 163], *руднúть* ‘начать литься с силой, хлынуть’ Белом. Карел. [15, вып. 4: 576], ср. *гру́дный* ‘обильный, дружный (о дожде)’ Коптел. Свердл. [16, вып. 7: 163], *рохнуть* ‘упасть’ Тихв. Ленингр., Чаг. Волог. [15, вып. 46 570], ср. общезвестное *грóхнуться* ‘упасть с шумом’ [17, т. 3: 425]; ср. также: *рұза* ‘груз’ Ряз. [16, вып. 35: 238], ср. *груз*.

пр- > р-: рянутъ ‘отпрыгнуть, отпрянуть, шарахнуться’ Тер. Мурман. [315, вып. 4: 613], спр. *прянуться* ‘сдвинуться с места, тронуться’ Медв. Карел. [15, вып. 4: 338].

кс- > с-: *сенёк* ‘желудок семги’ Кандалакша Мурман. [20: 142], *сенёк* ‘селезенка’ Перм. [14, вып. 2: 330],ср. *ксень*, *ксеньё* ‘внутренности рыбы’ Тер., *ксень* ‘внутренность рыбы’ Варзуга Мурман. [9: 75], *ксенёк* ‘печень рыбы’ Олон., *ксёни* ‘внутренности осетра, идущие на приготовление жира’, р. Обь, *ксень* ‘печень налима’ и т.п. Алт., Том., Тобол., Сиб., [16, вып. 15: 373]. Возможно, известное сев.-зап. говорам *сень* ‘кушанье из жареных с конопляным семенем грибов волнушек’ [16, вып. 37: 177] отражает дальнейшее развитие семантики слова. Ср. также блр. диал. *ксень* ‘желудок у щуки’, чеш. *ksenec* ‘желудок (особенно у некоторых рыб); плод’, ст. польск. *ksieniec* ‘желудок некоторых рыб, внутренности’, словин. *ksinë* ‘рыбы внутренности, особенно кишki угря’, восходящие к и.-е. корню **kut-s-* ‘кислый, киснущий, портящийся (здесь — о внутренностях рыбы и т. п.)’ [19, вып. 13: 245]. Таким образом, слово *ксень* относится к западнославянским, русскому и белорусскому языкам. Преобразование *кс-* > *с-* коснулось только северных и частично северо-западных говоров.

Приведенные фрагменты, характеризующие состав и своеобразие лексики беломорских говоров, показывают неоднородность языковой базы, на основе которой они сформировались. Не подлежит сомнению, что слово в его разнообразных вариантах, связях с другими языками и диалектами выступает как свидетель истории.

Описанные изменения, известные говорам Русского Севера, включая беломорские, составляют лишь небольшую часть явлений предшествующего состояния, которое после периода билингвизма в языке, по мнению А. С. Герда, было характерно для времени «перехода к иной монокультуре и в языке и в материальной культуре» [23: 416].

Реальная картина дистрибуции нерегулярных лексических единиц экстенциального характера свидетельствует об их повсеместном, хотя и неравномерном бытовании на территории русского языка, в частности, в русских говорах Беломорья.

Литература

21. Бондарчук, Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии / Н. С. Бондарчук. — Калинин : КГУ, 1978. — 84 с.
 22. Востриков, О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке: Учеб. пособие по спецкурсу / О.В. Востриков. — Свердловск : УрГУ, 1990. — 100 с.
 23. Герд, А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук / А. С. Герд // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквиист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — С. 409—416.
 24. Глускина, С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах / С. М. Глускина // Псковские говоры. III. — Псков, 1973. — С. 35—51.
 25. Дерягин, В. Я. Из истории географии финно-угорских заимствований в северорусских говорах / В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина // Диалектная лексика 1971. — Ленинград : Наука, 1972. — С. 32-49.
 26. Елизаровский, И. А. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. / И. А. Елизаровский, Архангельский гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1958. — 240 с.
 27. Ильинская, Н. Г. К проблеме системных отношений в лексике: лексико-семантическая группа «Выпечные изделия» в архангельском диалекте: (семант. и лингвогеограф. аспекты) / Н. Г. Ильинская ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. — Москва : Диалог-МГУ, 1998. — 320 с.
 28. Качинская, И. Б. Термины родства в мифологическом пространстве (по материалам архангельских говоров) / И. Б. Качинская // Вестник Пермского университета, 2015. — № 2 (30). — С. 16—26.
 29. Комягина, Л. П. Лексический атлас Архангельской области / Л. П. Комягина ; Помор. междунар. пед. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. — 235 с.
 30. Ларин, Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.) / Б. А. Ларин. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 424 с.
 31. Лыткин, В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков / В. И. Лыткин // Основы финно-угорского языкоznания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). — Москва : Наука, 1974. — С. 108—213.
 32. Михайлова, Л. П. Рефлексы процесса удлинения гласных звуков в лексике русских говоров (о > а) / Л. П. Михайлова // Северорусские говоры: Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. — С. 218—249.
 33. Михайлова, Л. П. Словарь экstenциальных лексических единиц в русских говорах / Л. П. Михайлова. — Петрозаводск : Изд-во КГПА; Москва : ООО «Вариант», 2013. — 352 с.
 34. Нефедова, Е. А. Диалектные лексические микросистемы в ареальном аспекте / Е. А. Нефедова // Аванесовский сборник. К столетию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. — Москва : Наука, 2002. — С. 94—103.
 35. Павлова, А. В. Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии : дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Павлова. — Мурманск, 2011. — 260 с
 36. Петлева, И. П. К вопросу о g-прототипическом в славянских языках / И. П. Петлева // Этимология 1976 / отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва : Наука, 1978. — С. 51—55.
 37. Русская диалектология: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / В. В. Колесов, Л. А. Иващенко, Л. В. Капорулина и др.; под ред. В. В. Колесова. — Москва : Высш. шк., 1990. — 207 с.
 38. Чайкина, Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья / Ю. И. Чайкина // Очерки по лексике северорусских говоров. — Вологда, 1975. — С. 3—187.
 39. Шустер-Шевц, Х. Сербо-лузицкие этимологии / Х. Шустер-Шевц // Этимология 1970. — Москва : Наука, 1972. — С. 85—90.

